

В ПРЕДДВЕРИИ Дня Победы А. Я. Таиров заканчивал в Камерном театре работу над пьесой Вс. Вишневского «У стен Ленинграда». В день премьеры, состоявшейся 30 марта 1945 года, театру была передана радиোগрамма от автора, который приветствовал участников спектакля «из-под стен Штеттина, штурмуемого русской силой».

Таиров хотел, чтобы этот спектакль стал второй частью героической трилогии, продолжением «Оптимистической трагедии» (третьей частью должна была быть пьеса, посвященная послевоенной жизни; о ее написании Таиров договаривался с Вс. Вишневским).

Режиссерская экспозиция спектакля печатается по сокращенной стенограмме беседы А. Я. Таирова с труппой Камерного театра 17 ноября 1944 года. Публикация подготовлена к печати кандидатом искусствоведения Ю. А. Головащенко.

В ПЬЕСЕ «У стен Ленинграда» есть ряд серьезных трудностей. Среди действующих лиц наряду с людьми, которые с полным сознанием долга, чести и совести отстаивают свою страну, свободу и независимость, есть группа персонажей, противодействующих этой естественной, законной потребности каждого человека. Противодействуют по разным причинам, в силу разных обстоятельств, но противодействуют. Эта группа довольно сильная. И возникает опасность, и очень существенная, как бы в спектакле в целом (ведь театр обобщает явления) не получилось так, что исход войны зависел не только от нашей борьбы с фашизмом, но и от борьбы с внутренней враждебной силой.

Если бы это было так, то мы не выиграли бы войну. Если бы это было так, то у нас не было бы того единого патриотического подъема, порыва, который действительно двигал горы. Следовательно, если бы спектакль создавал такое впечатление, то в нем было бы искажено представление о нашей борьбе с фашизмом.

Эта серьезнейшая опасность должна быть преодолена в первую очередь, чтобы в спектакле, который мы создадим, правильно и творчески убедительно отразилась борьба советского народа.

Как же это сделать? Есть способ сравнительно легкий — обесцветить роли враждебной группы и таким образом сгнелировать ее влияние, ее значение. Правильно это было бы? Неправильно. Неправильно потому, что задача наша заключается именно в том, чтобы показать победоносную силу советского народа, несмотря на наличие отдельных людей, в силу ряда обстоятельств и побуждений идущих против огромной, всеобъемлющей волны патриотизма, поднявшейся в нашей стране во время Отечественной войны. Показать, что против этих людей шла такая огромная и плодотворная волна подлинного народного патриотического настроения нашей страны, которая сравнительно легко уничтожила все противоборствующие отдельные элементы. Я повторяю, отдельные элементы. Они были. Мы это знаем. Но мы также знаем, что они не играли решающей роли. Почему? Потому, что им противостояла вся громада советского народа.

Следовательно, задача наша заключается в том, чтобы показать такую громаду, против которой даже самые сильные потуги затормозить нашу борьбу с фашизмом оказались бы тщетными.

Это можно сделать при помощи пяти-шести проходящих через всю пьесу положительных персонажей. Однако удастся ли таким путем добиться нужных результатов? Нет. А как же мы их добьемся? В том случае, если воплотим в спектакле не пять-шесть подлинных героев, а настоящий, живой и подлинный коллектив матросской бригады. Создание на сцене живого и подлинного матросского коллектива, который

самим фактом своего существования, внутреннего объединения, самим фактом прорвавшейся в нем огромной народной силы заранее и неизбежно обрекает на неудачу и небытие всех тех, кто пробует ему противостоять. Только так мы можем добиться правильной передачи действительности.

ПОЗВОЛЬТЕ вам напомнить об «Оптимистической трагедии». Несомненно, в постановке «У стен Ленинграда» мы в значительной степени должны будем исходить из опыта, который дала нам в свое время работа над «Оптимистической трагедией»¹. Там было не меньшее количество противоборствующих положительному лагерю сил: там были и Вожаки, и Сиппый, и Рябой, однако спектакль в целом производил должное и нужное впечатление. Почему? Потому что им противостояли не только Алексей, Комиссар, а вместе с ними — и, быть может, в большей степени, чем они, — матросы, матросская громада. В этом был ключ разрешения спектакля, это составляло его настоящий образ и рождало верный и политический, и одновременно художественный результат. И только этот путь, проверенный, единственный стоит перед нами сейчас, когда мы приступаем к постановке пьесы «У стен Ленинграда».

Если нам удастся напряжением всех артистических сил добиться того, что мы создадим на сцене подлинный живой матросский коллектив, то спектакль нам удастся. Если мы не сумеем этого сделать, то как

Вторая оптимистическая

А. ТАИРОВ РЕПЕТИРУЕТ ПЬЕСУ «У СТЕН ЛЕНИНГРАДА»

бы великолепно ни играли отдельные актеры, спектакль не выйдет. Усилиями театра, его актеров надо создать ту громаду, которая будет жить и действовать, как единый большой коллектив, причем большой не по количеству, а по качеству.

Если работа будет ладиться, тогда, я надеюсь, нам удастся сделать вторую часть «Оптимистической трагедии» из еще не написанной трилогии, третьей частью которой будет пьеса, действие которой должно происходить уже после войны.

Спектакль «У стен Ленинграда» должен быть органическим и естественным продолжением «Оптимистической трагедии». Что я этим хочу сказать?

...Это тоже оптимистическая трагедия — трагедия потому, что действие происходит в очень серьезные, трагические моменты жизни нашей страны, в решительные и тра-

гические декабрьские дни в Ленинграде. Трагедия потому, что перед героями пьесы стоит враг, чуждый всему человеческому, — фашизм, и борьба идет не на жизнь, а на смерть. И даже в наших рядах находились люди, которые либо пугались под ногами, либо малодушествовали, либо активно стремились помешать нашей борьбе. Это все — трагическое, и эту трагедию мы должны показать.

...Но сила и смысл трагической ситуации пьесы заключаются в том, что никто из ее героев в самые трудные минуты не теряет веры. Вера — вот что главенствует во всех персонажах, начиная от тех, кто проходит через всю пьесу, и кончая теми, кто в ней лишь появляется. Вера, как бы ни трудно было положение. Нам нужно не бодречество, а вера, которая дается сосредоточенностью, а сосредоточенность дается серьезностью и серьезность — углубленностью. Это совсем не пьеса, построенная на крике

«ура». Нет, это пьеса, которая должна воплотить образы людей, которые знают, что сейчас не время бахвалиться... Серьезность положения, когда не нужно кричать, когда приказания отдаются тихо и строго, производятся как клятва, когда все идет по настоящему глубокому чувству, не требующему повышения голоса, — вот что должно быть показано в пьесе. Хочу еще раз напомнить, что здесь, хотя это может показаться странным, наряду с опытом, приобретенным в «Оптимистической трагедии», должен сказаться и тот опыт, который мы приобрели в чеховской «Чайке»².

Реализм на сцене — это причинность действия. Если причинность действия закономерна и обоснована, значит, действие реально. Так вот эту причинность и нужно искать в действии пьесы «У стен Ленинграда»...

¹ «Оптимистическая трагедия» была поставлена Камерным театром в 1933 году.

² «Чайка» А. П. Чехова была поставлена Камерным театром в 1944 году.

...Вы помните, я давно утверждал это и сейчас с новым убеждением повторяю: театр — своеобразное, особое искусство. Известно, что каждый художник, писатель, поэт, живописец, композитор и т. д. берет материал из окружающей его действительности и, отбирая, создает художественное произведение. Театр тоже художник, коллектив художников, и он должен также брать свой материал из действительности. Пьеса, играемая театром, — это действительность, уже возведенная в некий художественный образ. ...Но если театр ограничивается только ею, он превращается не в настоящее творческое существо, а в некоего передатчика. Театр только тогда становится настоящим художественным творческим коллективом, когда, воспринимая действительность пьесы и действительность жизни, соединяя воедино опыт драматурга и свое собственное познание жизни, свой опыт, — создает сценическое произведение.

Поэтому я обращаюсь к вам с призывом, чтобы вы не довольствовались теми материалами, которые имеются в пьесе, а искали в себе, извлекали из себя тот опыт, человеческий опыт эпохи Отечественной войны, из событий которой извлечена и данная пьеса. Весь свой опыт Отечественной войны, все возникающие у вас отношения — любовь к Родине, ненависть к фашизму — все должно быть здесь воплощено, причем я утверждаю, что накопленный нами опыт одинаково приложим и к так называемым положительным, и к так называемым отрицательным ролям. Во всем сегодня должна чувствоваться страстность.

Вспомните первые годы войны, вспомните 1941 год, вспомните эвакуацию, вспомните, как значительная часть нашей территории была отрезана и наши товарищи, братья, люди находились в неволе. Вспомните, что мы с вами избежали этой неволи. Вспомните Одессу, вспомните лагерь в Люблине, вспомните душегубки, вспомните все. Вспомните, соберите все в своей душе, не забудьте ничего, не простите ничего, верьте в нашу победу и передайте это все на сцене через пьесу, при помощи пьесы.

Расширяя ее, мы создадим на сцене современную сценическую симфонию об Отечественной войне.

Эта симфония будет в трех частях, в трех днях. Первый день будет называться «Священная война, — все, как один, на защиту Ленинграда». Второй день — «Клятва». Третий — «Скорее смерть испугается нас, чем мы испугаемся смерти».

Если при помощи всех выразительных средств, доступных современному театру, нам удастся создать именно симфонию, тогда, я полагаю, нам удастся выйти из нашей работы победителями. А если мы одержим победу, это будет победа серьезная. Потому что это будет победа не только творческая, но и человеческая. Это будет победа очень и очень нужная.

Это будет еще одна большая и серьезная попытка хоть в малой степени, самым дорогим, что у нас есть — т. е. кровью сердца, творчеством — воздать должное тем замечательным людям, благодаря отваге и героизму которых мы сейчас сидим в этом зале и говорим о творческих планах и задачах. Им мы обязаны этим. Давайте же, как святыню, это сознание беречь.

На снимке: репетиция пьесы Вс. Вишневского «У стен Ленинграда» в Государственном камерном театре.